

Бирюков, А. В. О сущности «римского мифа» / А. В. Бирюков // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 64-68.

А. В. Бирюков

О СУЩНОСТИ «РИМСКОГО МИФА»

Чрезвычайно интересное явление в античной, и не только в античной, истории — *«римский миф»*, или *«римская идея»*. Он, как оказалось, пережил века и продолжал свое существование через столетия после гибели самого Римского государства.

Под *«римским мифом»* следует понимать *убежденность во всемирно-гражданской, цивилизаторской миссии Рима, призванного управлять покоренными народами и странами ради их же счастья и процветания*. Характерный римский пафос государственности и величия родного города постепенно перерос в пафос мирового господства: вселенское владычество стало самоцелью. Эта идея прошла свой долгий путь развития — от слепой самоуверенности римлян в превосходстве над другими народами к официально пропагандируемой государственной властью огромной средиземноморской державы идеологии Рима-миротворца, Рима-объединителя цивилизованного мира и человечества. Впоследствии же на этой базе развилась абстрактная концепция *«Римской империи»* как эквивалента универсального, глобального, наднационального государства. Неоднократно, особенно в средние века, предпринимались и попытки воссоздания такого государства: можно вспомнить примеры Византии при Юстиниане, державы Карла Великого или *«Священной Римской империи германской нации»*. Более того, немалую роль в существовании этих государств должен был играть контроль и над самим городом Римом. Этот же город Рим стал резиденцией и римского епископа — папы, отнюдь не случайно объявившего именно о своем (т. е. римском) суверенитете во всем христианском мире.

Исходя из вышесказанного, представляется интересным и, с научной точки зрения, перспективным исследовать сущность римской великодержавной идеологии, выяснить ее компоненты, причины

появления, этапы развития и выполнявшиеся ею функции. Представим самые общие соображения по обозначенным выше вопросам.

Причины, возникновения «римского мифа». Первая из них, возможно, проистекала из того факта, что в эпоху расцвета и сплочения римской гражданской общины основной ценностью для гражданина был сам Рим, постоянно ведущий войны с соседями и, как думалось, призванный выстоять и победить, покорить враждебные народы, а долг гражданина виделся в помощи государству в осуществлении этой миссии. Военная агрессия была выгодна всем слоям римского общества, а формировавшийся *«римский миф»* был близок всему гражданскому коллективу, извлекавшему непосредственные выгоды из римских завоеваний. Этот миф казался тем, ради чего, начиная с Ромула, римский народ совершал бесчисленные подвиги и нес огромные жертвы. Другая причина, на наш взгляд, заключается в весьма успешной внешней экспансии Рима, приведшей к созданию им мировой державы. Рим

сравнительно поздно вышел на арену большой средиземноморской политики — но, очевидно, в самый важный и судьбоносный ее период. Это было время общего ослабления эллинистических государств в Восточном и Карфагена — в Западном Средиземноморье. Военные успехи Рима рождали уверенность в непобедимости и убежденность в возможности распространения римской власти на все большие территории, что впоследствии стало пропагандироваться правящей элитой и восприниматься населением как естественный — и даже предначертанный свыше — ход вещей. Эта мысль еще больше окрепла после завершения захватов всех известных тогда культурных областей и выхода на варварскую периферию: «круг земель» объединился в один «Вечный Город», и на весь этот мир распространилось одно название — Рим. Так возник *Pax Romana* — «Римский мир». Государство начало активно пропагандировать идею о том, что в римской власти над покоренными народами и территориями следует видеть некое верховное цивилизующее, всепримиряющее и объединяющее начало; культурный мир, «объединенный» Римом, стал восприниматься античным населением Средиземноморья как противостоящий миру варварскому — чуждому и враждебному.

Этапы формирования и развития «римского мифа». Единого мнения по этому вопросу нет. Так, например, Е. М. Штаерман полагала, что идея провиденциальной миссии Рима появилась на достаточно раннем этапе существования Римского государства. Л. И. Немировский (правда, несколько сужая понятие *«римского*

мифа») относит начало его создания к III в. до н. э., а окончательное оформление — к концу эпохи Антонинов.

На наш взгляд, складываться *«римский миф»* начал в III—II вв. до н. э., т. е. во время успешных захватнических войн с Карфагеном, Македонией и царством Селевкидов. Именно тогда возникла благодатная почва для подвижек в римской идеологии, протекавших параллельно с активной трансформацией экономического, социального, политического и культурного уклада Римской республики, с возникновением Римской средиземноморской державы. Гимн мощи Рима, его превосходству над другими народами в области государственной организации и военного дела встречается уже во «Всеобщей истории» Полибия (VI, 11 —19, 37—38, 52—54, 56). Преимущества мудрой римской «смешанной формы правления» в своих трактатах «О государстве» и «О законах» детально и убедительно излагает Цицерон. Таким образом, в структуру *«римского мифа»* вписываются положения о якобы совершенной военной и государственной организации Рима.

Окончательно *«римский миф»* оформляется в эпоху Принципата. После победы над многими могущественными государствами вера в особую миссию Рима достигла апогея. Воплощение *«римского мифа»* официальная пропаганда приписывала Августу: Рим как бы выполнил свое историческое предназначение, установив после многовековой борьбы всеобщий покой и принеся миру «золотой век». Теперь в *«римский миф»* неразделимо включенными оказались идея империи и личность обожествляемого императора. В образной форме (и тем не менее, вполне однозначно) официальную концепцию этого времени выразил Вергилий (Энеида, VI, 851—853):

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

В этих словах дается отчетливое представление о той миссии, которую призван осуществить Рим — самое могущественное античное государство. Тит Ливий в

пространной «Истории от основания Города» и Тацит, фактически продолживший его труд, уже выступают в роли летописцев Рима-объединителя мира и доносят до читателя подробности его героической истории. Итак, эпоха ранней империи — это время окончательного превращения великодержавных концепций в официальную имперскую идеологию.

Сущностные аспекты и функции «римского мифа». Дипломатический аспект был связан с формированием соответствующего

образа Рима на международной арене. Рим-объединитель должен был действовать не только с помощью прямых завоеваний и жестоких грабежей (вспомним разрушение Карфагена и Коринфа), но также и посредством дипломатии и пропаганды — как приглашенный посредник в споре, судья, покровитель, «защитник независимости и восстановитель свободы» (покорение Эллады), наконец, как наследник и правопреемник (присоединение Пергама). Эти способы широко использовались Римом.

Политический и идеологический аспекты раскрываются в стремлении правящей элиты показать расширение Рима как рост владений «римского народа», найти оправдание захватническим войнам, требовавшим огромных жертв и колоссального напряжения сил, и становлению новой формы государства — империи, сплотить элиты покоренных народов и племен на основе общей идеи — величия Рима и совместного блага — ради сохранения и единства державы, и незыблемости порядков, это единство поддерживавших.

Идеологический аспект, кроме того, был тесно связан с политическим мифотворчеством. Отсутствие достоверных сведений о давнем прошлом побуждало римлян создавать политические мифы. В отличие от греческих, в их центре были не боги и герои, а сам Рим и победоносный римский народ. Подчеркивались его божественная избранность, уникальные качества («доблести») его граждан. Официальная пропаганда времен Принципата создает специальную «патриотическую» терминологию: «Вечный Город», «непобедимый Рим», «божественный император» как зримое воплощение и носитель «величества римского народа» и т. д. Стимулируются и внешние проявления этого патриотизма — ношение тоги, уважение к исконным «доблестям» и обычаям предков, порицание чужеземных религиозных культов. Проводниками этих идей, выразителями «*римского мифа*» эпохи Принципата стали даже блестящие научные труды (книги Ливия, Аппиана, Тацита, Плутарха и др.) и литературные произведения (например, Вергилия).

Национальный, или этнический, аспект неоднозначен. Первоначальное чувство некой римской исключительности угасало благодаря романизации, распространению по всей империи греко-римской культуры, проникновению в Рим чужеземных религиозных культов, утверждению единого и обязательного культа императора, повсеместности использования латинского языка и т. д. С другой стороны, все большая часть населения приобретала статус римских граждан (логическое завершение этому процессу положил знаменитый эдикт императора Каракаллы), и термин «римлянин» стал терять сугубо этническую подоплеку, превратившись из этнонима

в политоним, унифицирующим образом определяющий все свободное население объединенного *Pax Romana*. Но это произошло уже в период обветшания «*римского мифа*».

Культурный аспект включал в себя многие характерные процессы в сферах религии, образования, морали и культурной жизни вообще. Как писал Плутарх (Марцелл, 20), до конца III в. до н. э. римляне были в глазах других народов отважными воинами и грозными противниками, но не отличались добродетелями культурных людей. Однако занять господствующее место в мире без соответствующего роста культурного уровня было невозможно. Соображения международного престижа подталкивали к активному усвоению эллинистической культуры, к созданию новой системы образования, расширению прежней системы ценностей; «победительским», по выражению М. Л. Гаспарова, было вначале и овладение греческим языком. Необходимо было доказывать свое превосходство представителям более древних культур, и по всей империи, но особенно в Риме — «столице мира» — возводятся грандиозные памятники, устанавливаются статуи, проводятся пышные церемонии, зримо прославлявшие величие Рима и его «гордую объединительную мечту».

В сфере морали и образования акцент делался на воспитании гордости от сознания принадлежности к римской *civitas*, уважения к прошлому Рима (через систему традиционного воспитания, хрестоматийные примеры героев древности), прививании молодежи целого комплекса римских «добродетелей», характеризовавших представление об идеальном гражданине. Таковы основные компоненты «*римского мифа*», оформившегося, как мы показали, в период Принципата. Однако начиная с III в. н. э., и особенно в эпоху поздней империи, происходит постепенное его выхолащивание и разложение всей основанной на нем системы ценностей.